

Немирович-Данченко Василий Иванович

Стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Стихи / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
466 с.

ISBN 978-5-519-99055-4

ISBN 978-5-519-99055-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оттуда слышатся то шорохъ, то отзывъ,
 Какъ вѣтра тихаго полуденный порывъ,
 Когда, сходя отъ горъ къ таинственнымъ долинамъ,
 Онъ дремотно скользитъ по вѣтвямъ и вершинамъ
 Высокихъ тополей, смѣняя жгучій зной
 Подъ рѣдкой тѣнью ихъ прохладою живой.

Р У Д А.

Глубоко подъ черною землею
 Ты лежишь, желѣзная руда.
 Сквозь тебя холодною струею
 Просочилась горная вода.
 Покраснѣвъ, твоею кровью стала
 И, струясь по жиламъ много лѣтъ,—
 Изъ горы все выхода искала
 На просторъ просилась и на свѣтъ.
 Подъ утесомъ выбилась на волю
 И какъ будто плачется ему
 На твою мучительную долю,
 На тебя окутавшую тьму.
 Кровью брызжетъ изъ твоей могилы
 И немолчно въ каменной норѣ
 Все поетъ про скованныя силы,
 Про тебя, зарытую въ горѣ.

УМИРАЮЩІЙ.

Еще вчера глаза его сверкали
И рѣчь лилась свободною волной;
Казалось: и скорби, и печали
Уже прошли; надъ гордой головой
Устала смерть стоять неотразимо
И въ вѣчный мракъ отъ жертвы отошла,
Но день насталъ, и, строгая, незримо
Вновь въ темный плащъ страдальца обвила.

И онъ лежитъ, сомкнувъ устало вѣжды
Онъ уступилъ, нѣтъ силы для борьбы!
Къ чему теперь безплодные надежды?
Пусть приговоръ свершается судьбы,
Пусть шепчутся испуганные люди,
Рыдаетъ другъ, хлопочутъ доктора,—
Не воскресить изнеможенной груди,
И самъ больной намъ говорить «пора!»

Пора!— А вы, начатыя творенья,
Вы, облики задуманныхъ картинъ,
Вы, ждавшіе, какъ души, — воплощенья,
И вамъ пора, и вамъ конецъ одинъ?
«Сожгите ихъ!» онъ шепчетъ, умирая,
И тѣнь бѣжитъ по гаснущимъ чертамъ,
Все, что любилъ, — дымяся и пылая,
Пусть вмѣстѣ съ нимъ несется къ небесамъ!

«Кто плачетъ тамъ, дитя, не ты ли это?
Прощай, забудь, есть тысячи другихъ!»
И, холодомъ спокойствія одѣто,
Его лицо разгладилось въ мигъ.

Казалось, вдругъ ему понятно стало,
Какъ жалко все, ничтожно и блѣдно,
Что здѣсь его манило и ласкало,
Къ чему душа стремилась давно!

Открылась ли таинственная вѣчность
И даль, и ширь невѣдомыхъ міровъ,
Блеснула-ль чувствъ нездѣшнихъ безконечность,
Иныхъ идей и незнакомыхъ сновъ?
Напрасно мы, приникнувъ къ изголовью,
Слѣдили всѣ — и билъ за часомъ часъ —
Ни прежнихъ словъ, проникнутыхъ любовью,
Ни прежнихъ глазъ, сіяющихъ для насъ!

— «Окно, окно!» — Мы отворили. Море
Синѣло тамъ... И шелъ за валомъ валъ;
И одинокъ, теряясь на просторѣ,
Порой челнокъ, поднявъ крыло, бѣжалъ
На берегу платаны колыхали
Своихъ вершинъ свѣтлозеленый сводъ,
И небеса какъ будто обнимали
Всю эту даль земли и синихъ водъ...

Нашъ другъ взглянулъ. И было также блѣдно.
Его лицо. Безкровныя уста
Шептали: «Какъ здѣсь жалко все и блѣдно,
Какъ эта даль безцвѣтна и пуста!»
И вновь замолкъ; но вдругъ, закрывши очи,
Онъ просіялъ, молчаніе храня,
Мнѣ чудилось, что тьма загробной ночи
Была ему свѣтлѣй земного дня.

Сія дивною красой
Любви и счастья, и свободы,
Какъ чудный сонъ передо мной
Порой встають былые годы.

И плачу я, какъ іудей,
Когда въ изгнаньи — рабъ печальный —
О знойной родинѣ своей,
Онъ пѣлъ — о Палестинѣ дальней...

ПОБѢЖДЕННЫЙ.

Сбрось мучительныя цѣпи,
На коня и въ путь скорѣй
Въ зеленѣющія степи
Дальней родины твоей.
Позабудь страданій годы,
Годы ссылки и тюрьмы,
Тяжелы нѣмые своды
Въ этомъ царствѣ вѣчной тьмы, —
Но когда бывшее знамя
Ты увидишь впереди,
Встрепенется мысль, и пламя
Вспыхнетъ вновь въ твоей груди!
— «Хороши родныя степи!
Тамъ хотѣлъ бы я вздохнуть, —
Но глубоко вѣлись цѣпи
И въ конецъ ослабла грудь.
Посмотри на эти руки!
Гдѣ огонь моихъ очей?

Да, убили злыя муки
Страсть и силу прежнихъ дней.
Не воротятъ дни свободы
То, что отнято судьбой,
Что на вѣкъ нѣмые своды
Схоронили подъ собой.
Каждый мигъ я умираю, —
Близокъ, близокъ мой конецъ.
Для чего-жъ родному краю
Искалѣченный боецъ?»

ПѢСНИ.

Молнія камень безплодный
Мощной пробила стрѣлою;
Въ трещины дождикъ холодный
Падалъ, какъ слезы, порою.
Дни проходили за днями;
Солнце смѣняли туманы;
И запестрѣли цвѣтами
Камня недвижнаго раны.
Годы за годами даромъ
Шли словно волны на морѣ.
Вдругъ беспощаднымъ ударомъ
Сердце разбило мнѣ горе...
Думалъ: умру я отъ муки,
Но, только солнцемъ пригрѣло, —
Выросли пѣсни и звуки
Въ сердцѣ, что долго болѣло...

ГРОЗЫ.

Не бойтесь вешнихъ грозъ: онѣ
Что свѣтлый ангелъ воскресенья!
Не ночью долгою во снѣ,
Не въ безмятежной тишинѣ
Ростутъ титаны обновленья.

Надъ колыбелью ихъ порой
Плывутъ лихія непогоды...
Изъ тучъ стрѣлою громовой —
Въ ихъ сердце падаетъ святой
Огонь божественной свободы...

Любви блаженныхъ, сладкихъ сновъ
Надъ сердцемъ ихъ не властны чары,
Понятенъ имъ языкъ боговъ: —
Съ небесъ разгнѣванныхъ громовъ
Надъ міромъ стихнувшимъ удары.

Какъ за грозой идутъ вослѣдъ
Дожди на сохнушія нивы, —
Такъ и въ годину тяжкихъ бѣдъ
Изъ устъ титановъ слышитъ свѣтъ
Молніеносные призывы...

И, сбросивъ вдругъ оковы сна, —
Полна святого умиленья,
Встаетъ, прекрасна и сильна,
Порабощенная страна
На свѣтлый праздникъ обновленья.

ПОЭТУ.

Здѣсь, въ царствѣ вѣчной суеты,
Разлада, злобы и паденья,
Смолкаютъ мирныя мечты
И робко гаснетъ вдохновенье.
Минуты нѣтъ отдаться имъ,
Когда, глуша иные звуки,
Несутся съ ревомъ грозовымъ
Валы отчаянья и муки.
Челнокъ ничтожный — мысль твоя,
Ему ли справиться съ волнами?
Что значить утлая ладья,
Гдѣ вихрь играетъ кораблями?
Громады скалъ у береговъ,
Въ клочки изорвано вѣтрило...
Такихъ не мало челноковъ
Безъ цѣли море погубило.
Нѣтъ! нуженъ здѣсь поэтъ иной,
Съ такой же мыслью грозовой,
Безмѣрной, какъ просторъ морской,
Какъ чайка смѣлой надъ волною.
Пусть будетъ взглядъ его суровъ,
Рука крѣпка и сердце твердо,
И грозный ревъ морскихъ валовъ
Онъ, не смущаясь, встрѣтитъ гордо.
И будетъ пѣснь его слышна!
Пусть передъ ней не смолкнетъ море —
Но буревѣстникомъ она
Зарѣетъ смѣло на просторѣ:

На гордой мачтѣ отдохнетъ,
Иль на утесѣ сложитъ крылья,
И, часъ придетъ, опять вспорхнетъ
Во мглу и бурю — безъ усилія...
Да, будетъ пѣснь его слышна!
И тѣ, что гордо съ бурей бьются,
Бойцы, чья мысль еще сильна,
Ей отовсюду отзовутся...

ЗОЛОТО.

Глубоко подъ горою могучей
Золотая хоронится жила,
И гора эта кажется тучей,
Что огнистую молнію скрыла.
Сотни лѣтъ безотходно, толпою,
Не жалѣя измученной груди,
Сквозь утесы желѣзной киркою
Пробиваются къ золоту люди...
Но стоятъ некрушимые скаты,
Подъ ударами боли не зная;
И надежно въ гранитныя латы
Заковалася грудь золотая...

Съ той поры, какъ во мракѣ угрюмо
Схоронилось старое вѣче,
Спитъ великая, вѣщая дума
Въ самомъ сердцѣ народа далече.
Гдѣ оно — не отыщешь примѣты,
Не забьется подъ твердой корою...

Сотни лѣтъ мудрецы и поэты
Въ грудь народа стучались толпою,
Шли за нимъ въ рудники и остроги
И ложилися вмѣстѣ въ могилы,
Но,—къ народному сердцу дороги
Отыскать у нихъ не было силы!..

ВЪ МАСТЕРСКОЙ.

Солнечный лучъ сквозь окно полукруглое
Золотомъ брызнулъ на личико смуглое,
На недописанный бюстъ...
Кисти разбросаны возлѣ треножника...
Высохли краски... Не видно художника,
Стуль передъ мольбертомъ пусть...

Кисти могучей созданья нетлѣнные,
Что за картины висятъ вдохновенныя
Вдоль по убогимъ стѣнамъ!..
Въ каждую вложена мысль гениальная,
Правда, порой безпощадно печальная,
Смотритъ изъ бронзовыхъ рамъ.

Злобѣ и мукѣ людской въ воздаяніе
Тонко подмѣчена святость страданія,
Смѣло палачъ обличенъ...
Всякій отсюда выносить презрѣніе
Къ гнету побѣдному... Вотъ оно мщеніе
Тамъ, гдѣ не страшенъ законъ!

Рядомъ добра идеалы великіе,
 Словно въ потемки прорвалось дикіе
 Солнце неожиданно для всѣхъ...
 Тутъ и краса недоступно спокойная,
 Страсть и любовь беззавѣтная, знойная,
 Яркій, живительный смѣхъ!..

Тутъ создавалось не изъ-за золота,
 Нѣтъ, какъ огонь изъ-подъ тяжкаго молота,
 Всюду сверкаетъ талантъ...
 Тутъ неподкупное чувство, свободное...
 Это не жалкое творчество, модное —
 Гдѣ же создатель — гигантъ?

Крѣпко заснулъ онъ... не слышно дыханія...
 Свѣтъ восковыхъ полусонно мерцаніе...
 Сложены руки крестомъ...
 Плотно сомкнулися губы холодныя,
 Вѣки опущены — очи свободныя
 Ужъ не заблещутъ огнемъ...

Чуется что-то бессмысленно дикое!..
 Прервана разомъ работа великая...
 Смерть налетѣла... Зачѣмъ?
 Развѣ устало рука опустилася,
 Развѣ въ умѣ его мысль утомилася,
 Замерло чувство совсѣмъ?..

Будутъ безсмертны картины прекрасныя,
 Купятъ ихъ люди богатые, властные,—
 Въ яркія залы запрутъ,—
 Тѣ, съ кѣмъ безъ устали кистью свободою
 Бился ты долго за правду народную,
 За нищету и за трудъ!..